

Краткий очерк машинизма

Оболкина Светлана Викторовна,

кандидат философских наук,

старший научный сотрудник Института философии и права УО РАН,

Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

ORCID: 0000-0002-6644-104X

obol2007@mail.ru

Аннотация

Статья предлагает очерк истории и основных принципов философии машинизма. Рассмотрены социокультурные и коммуникативно-дискурсивные условия тенденции максимального расширения области значения понятия «машина». Одной из задач выступило разграничение мировоззренческой позиции, анализирующей специфику, развитие и проблемы взаимоотношения человека и машины, и философского тренда машинизма. Проанализирована роль в формировании машинизма обширного семантического спектра слова *μηχανή*, а также когнитивного функционала концептуальной метафоры *machina mundi*. Обозначены принципы формирования нововременного механицизма и машинизма в современной философии. Для выявления специфики машинизма проанализирована его связь, сходство и различия с философией механицизма. Показано, что концептуальная метафора *machina mundi* может представлять собой противоположные онтологические конструкции в зависимости от образа машины, который, в свою очередь, зависит не столько от характеристик технических устройств-образцов, сколько от ожиданий философии в отношении активности человека. Рассмотрено влияние психоаналитического дискурса и психоанализа на становление образа машины, парадигмального для современного машинизма; проанализирован вклад в этот тренд З. Фрейда, Ж. Лакана, Ф. Гваттари и Ж. Делеза. Показано, что машинизм может выступать своего рода интегральной характеристикой даже тех концепций, которые противостоят друг другу по своим основным позициям. Обосновывается тезис о том, что машинизм выступает в первую очередь онтологической конструкцией: он предлагает такие условия понятности опыта, которые, с одной стороны, радикально разрывают с прошлым, а именно со стратегией Модерна, но с другой – выступают модусом еще более древней онтологической конструкции – мифа о «больной реальности». Дается краткий анализ проективных позиций машинизма. Показано, что в качестве проекции будущего роль машинизма связана с различными модусами футурологической капитуляции человека. Кратко проанализированы позиции Л. Брайанта, Н. Ланда и др.

Ключевые слова: машинизм, механицизм, машина, *μηχανή*, *machina mundi*, психоанализ, психоанализ.

Brief Outline of Machinism

Svetlana Obolkina,

Cand. Sc. (Philosophy),

Researcher, Educational Department of Philosophy,

Institute of Philosophy and Law UB RAS,

16, S. Kovalevskoi Str., Yekaterinburg, 620066, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-6644-104X;

obol2007@mail.ru

Abstract

The article offers an analysis of the basic principles and history of the development of the philosophy of machinism. In the first paragraph, the socio-cultural and communicative-discursive conditions for the maximum expansion of the scope of the 'machine' concept are considered. The first task is related to the differentiation of the worldview position in relation to the specifics, development and problems of the relationship between a man and a machine with the philosophical trend of machinism. The semantic spectrum of the word 'μηχανή' and the functional of the conceptual metaphor *machina mundi*, as well as their role in the formation of machinism, are analyzed. The second paragraph is devoted to the principles of formation of modern mechanicism and modern machinism. The author analyzes the specifics of machinism, its connection, similarities and differences with the philosophy of mechanicism. It is shown that the conceptual metaphor of *machina mundi* can represent opposite ontological constructions depending on the image of the machine. It is shown that this image depends not so much on the characteristics of exemplary technical devices as on the expectations of philosophy regarding human activity. The author considers the influence of psychoanalytic discourse and schizoanalysis on the formation of a new image of the machine; the contribution of Z. Freud, J. Lacan, F. Guattari and J. Deleuze. It is shown that machinism can be an integral characteristic even of those concepts that oppose each other in their basic ideas. The thesis that machinism is primarily an ontological construct is substantiated. Machinism offers such conditions for the clarity of experience, which, on the one hand, radically break with the Modern philosophy, but, on the other, act as a variant of an ancient ontological construct – the myth of a "sick reality". In the third paragraph, a brief analysis of the futurological positions of machinism is given. It is shown that as a projection of the future, the role of machinism is associated with various options for human surrender. The positions of L. Bryant, N. Land and others are briefly analyzed.

Keywords: machinism, mechanicism, machine, μηχανή, machina mundi, psychoanalysis, schizoanalysis.

Библиографическое описание для цитирования:

Оболкина С.В. Краткий очерк машинизма // Идеи и идеалы. – 2025. – Т. 17, № 3, ч. 1. – С. 124–143. – DOI: 10.17212/2075-0862-2025-17.3.1-124-143.

Obolkina S. Brief Outline of Machinism. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2025, vol. 17, iss. 3, pt. 1, pp. 124–143. DOI: 10.17212/2075-0862-2025-17.3.1-124-143.

Введение

В одном из интервью Ф. Гваттари спросили: «Чем новый машинизм, одним из основателей которого Вы являетесь, отличается от машинизма эпохи Просвещения, которое также было одержимо разными механизмами, и не можем ли мы в Вашем случае говорить об обобщенном машинизме?» [22]. В ответ Гваттари рассуждает об «абстрактной машине» и обобщает свою позицию предельного расширения понимания машины: «Машина функционирует как онтологический интерфейс, благодаря которому появляются гетерогенные универсумы, отличные друг от друга» [22].

Действительно, машинизм претендует сегодня на статус онтологии, т. е. условий понятности нашего опыта практически во всех областях реальности. Но дело здесь не просто в популярности психоанализа – было бы неправильным считать машинизм просто одним из названий философии Гваттари (его самого или в соавторстве с Ж. Делезом), поскольку есть серьезные основания считать: авторы психоанализа, решая задачи своей концепции, приобщились к уже существующему философскому тренду, позволив ему ярко высказаться. Самое общее определение машинизма может быть таким: это мировоззренческая установка и философское направление, предлагающие понимание реальности за счет семантического расширения понятия машины за границы обозначения только технического артефакта. И, поскольку машинизм активно развивается и после психоанализа, влияя на перспективы настоящего и будущего человечества, остро стоит задача его рефлексии.

Статья в силу ограниченности объема не может претендовать на полновесное раскрытие этой темы; можно надеяться лишь обозначить наиболее важные дистинкции для такого исследования (как в синхронном, так и в диахронном аспекте). В данной работе будет предложена общая картина мировоззренческого интереса к феномену машины и место машинизма в этом контексте, для чего исследуется концептуальное становление машинизма. Для выявления специфики современного машинизма проанализированы его связь, сходство и различия с философией механицизма.

Человек и машина

Отношения человечества с машиной и, соответственно, рефлексия угроз, которые таят эти отношения, – одна из центральных мировоззренческих проблем культуры с момента активного применения машин в производстве и быту. Не очень просто различить на ранних этапах этой рефлексии луддитские настроения и философское осмысление природы машины. Но, к примеру, уже в 1863 году С. Батлер рассматривает феномен машины в оптике теории эволюции; итог этого рассмотрения становится

основанием для его луддистского по содержанию, но все-таки философского вывода. Батлер предупреждает, что скоро человек окажется всего лишь элементом генезиса машинной реальности: «Машины тем не менее день ото дня завоевывают над нами преимущество; день ото дня мы становимся все больше от них зависимы; день ото дня все больше людей оказываются связаны с ними узами, подобными рабству, все больше людей посвящают все свои силы развитию механической жизни. Развязка есть лишь вопрос времени» [1, с. 99–100].

Примерно в это же время К. Маркс в «Капитале» пишет о последствиях «засилья машин» и обращает внимание на то, *что* в природе машины является угрозой человеку. «Всякая развитая совокупность машин [entwickelte Maschinerie] состоит из трех существенно различных частей: машины-двигателя, передаточного механизма, наконец машины-орудия, или рабочей машины. Машина-двигатель действует как движущая сила всего механизма» [18, с. 278–279]. При этом «человек представляет собой крайне несовершенное средство для производства однообразного и непрерывного движения» [18, с. 382]. «С того времени, как человек, вместо того чтобы действовать орудием на предмет труда, начинает действовать просто как двигательная сила на рабочую машину... он начинает проигрывать машине... паровая машина с самого начала сделалась антагонистом “человеческой силы” и дала капиталистам возможность разбивать растущие притязания рабочих, которые угрожали кризисом зарождающейся фабричной системе» [18, с. 381, 441].

Постепенно в этой концептуальной матрице внимания к машине формируется направление мысли, в котором машина начинает мыслиться максимально широко – с целью максимально рельефно выделить главную мысль: «машинная жизнь» узурпирует жизнь человеческую. И вот уже в XX веке Э. Тоффлер характеризует вторую (индустриальную) волну как «механоманию», которая производит спайку «гигантских электромеханических машин», «движущихся с грохотом и треском», с человеческим миром: «Индустриальная цивилизация развила технологию органов чувств, создавая машины, которые могли слышать, видеть и осязать с гораздо большей точностью, чем на это способны люди» [25, с. 60].

При этом, как считает Л. Мамфорд, человечество дало этот роскошный панс «машинной жизни» задолго до индустриального века: «Корни того, что экономисты в недавние эпохи называли “веком машин” или “веком электричества”, относятся не к так называемой промышленной революции XVIII столетия, но к имевшей место в период возникновения цивилизации организации первичной (archetypal) машины, составленной из человеческих деталей» [17, с. 21]. Первые машины – это государства.

В. Флюссер говорит о том, что история останавливается, когда машина-аппарат начинает определять саму себя: «Аппарат – это конец истории, конец, который всегда уже предвидели все утопии». История закончена. «По ту сторону машин мы находимся в невообразимой ситуации» [30, р. 18].

История осмысления роли машины в человеческом мире, разумеется, не исчерпывается указанными авторами. Наверное, нет ни одного мыслителя XX века, который не наполнил бы ее важными деталями. В ответ на мировоззренческие опасения в отношении слишком близкого и стремительного проникновения машин в жизнь человека всегда возникает вопрос о глубинных причинах успешности этого процесса. Одним из ответов явилась установка: машина – это нечто большее, чем собственно технический артефакт с двигателем, ее связь с реальностью глубже, чем может показаться. Радикализацией этой позиции становится философская концепция, согласно которой машина, собственно, и есть реальность. Машина становится концептом, описывающим реальность – не какую-то область арт-объектов, но реальность как таковую. «Теперь она (машина. – С. О.) осуществляет полный мимесис Реальности, давая нам реальное в машинном образе (сегодня – в цифровом)» [21, с. 23].

Казалось бы, эпоха Нового времени и мировоззрение механицизма – первый претендент на статус «виновника» такого положения онтологических дел, поскольку именно в эту эпоху ярко прозвучали различные варианты тезиса «мир – машина». Однако современный машинизм имеет столь серьезные различия с нововременным механицизмом (о чем далее), что приходится отказаться от соблазна выстраивать линейность их генетической связи. Более продуктивной представляется задача найти общий исток для независимого развития этих линий мысли. И, думается, важнейшим моментом является помноженная на технические возможности все новых и новых машин семантическая мультиинструментальность самого слова «машина»: *μηχανή*.

В большинстве источников *μηχανή* означает уловку, усиливающую природу человека. Однако слово изначально несло и коннотации хитроумного обмана, которые сохранились, например, в слове «махинация». Истоком такого семантического богатства является ключевое значение: «возможность нарушить существующий порядок вещей» [8]. Всякое явление, удивляющее своей сложной слаженностью, могло метафорически называться «машиной», поскольку удивление и восхищение требовало коннотаций «гармонизации» в смысле «умело сделанной вещи». Сущее в целокупности не оказалось исключением – в Античности появляется метафорическое выражение *machina mundi* (исследователи возводят ее авторство к Лукрецию Кару). При этом, поскольку «существующий порядок» может

оцениваться по-разному, «машина» изначально могла воплощать смыслы с противоположными аксиологическими векторами. Если все сущее рассматривалось в качестве блага, то «Космос и его части, воспринимавшиеся как самодостаточные сущности в Античности, превращаются теперь в творения Бога, обозначаемые как *machinae*» [5, с. 62]. Но, раскрывая смысл дьявольских уловок, средневековые авторы также прибегали к слову «машина»: «авторами *machina* в этом значении являются Дьявол и другие враги Бога (40 случаев из 57; 70,2 %)» [5, с. 61–62]. То есть в слове «машина», если использовать его в качестве семантического инструмента метафоры, заключен богатейший смысловой ресурс.

Функционал метафоры связан с расширением и обогащением смыслового пространства ассоциациями. Но философия стремится к уточнению смысла концепта и/или понятия, а не к размыванию-расширению области значения ассоциативными связями. Понимание одного явления в терминах другого, т. е. *концептуальная* метафора, для философии означает, что расширение идет «внутри» смысла, оказывается своего рода «онтологическим взрывом»: прежнее понимание сути явления уничтожается и «пустое пространство» заполняется новым содержимым. Концептуальная метафора «мир-машина» работает на последовательную трансформацию всех условий понятности опыта; «машина», как показывает В.В. Николин, выступает абстрактно-всеобщим и проясняет сущность частного и особенного» [19].

Механицизм Нового времени и машинизм, о котором говорилось в интервью Гваттари, опираются на один и тот же функционал одной и той же концептуальной метафоры. Но при этом используют, во-первых, разные части семантического спектра слова «машина» – позитивную и пейоративную, а во-вторых, делают это с различными целями. Далее мы кратко рассмотрим, как это происходит.

Механицизм vs машинизм

Стоит заметить, что понятия «механицизм» и «машинизм» в англоязычной литературе зачастую не различаются – в силу лингвистической специфики конкретного языка, а также из-за того, что для западной традиции характерна синонимия «механицизма» с «редукционизмом» и «материализмом» [2]. Мы будем следовать подходу, который нашел свое воплощение в исследовании А.Г. Погоняйло: под механицизмом понимается в первую очередь «реальная философия XVII–XVIII вв.». «Эта философия, – не будучи “очевидной”, т. е. не существуя в виде текстов, составляет реальное основание этих самых учений и систем» [20].

Общий дух механицизма на заре XVII века выразил И. Кеплер в письме к Д. Фабрицио: «Цель моя в *Astronomia nova* – показать, что небесная

машина не есть божественное, живое существо, но вид часового механизма (а тот, кто полагает, что часы имеют душу, приписывает творению славу творца), равно как и все почти сложные движения вызваны простой магнетической и материальной силой, подобно движению часов, обыкновенным весом причиняемому. <...> Никто до меня не предпринимал такого шага; никто не предавал мыслей своих таким словам» [3].

Базовые нарративы механицизма реализовывались по-разному в представлениях Р. Декарта, П. Гассенди, Ж. Ламетри, Т. Гоббса, Г.В. Лейбница и др. Но целью выступала общая стратегия, которую выразил Р. Гук: «различить все тайные действия Природы» по аналогии «с такими произведениями искусства, которые управляются колесами, двигателями и пружинами и которые были разработаны человеческим умом» [31]. Понять, как устроена машина, означает контролировать ее. Категории активности и контроля («эпистема порядка», по М. Фуко) реализовывались в разных формах и разных аспектах, но предельной их интенцией выступает не только категория Прогресса, но и новая позиция субъекта: разум не просто отражает, но конструирует образ реальности.

Б. Спиноза предлагает в качестве достоверного познания метод, связанный с операциями порождения или конструирования: «Если данная вещь – сотворенная, то определение должно будет, как мы сказали, содержать ближайшую причину. Например, круг по этому правилу нужно будет определить так: это фигура, описываемая какой-либо линией, один конец которой закреплен, а другой подвижен» [23, с. 352]. Д. Юм идет дальше: он утверждает, что разум «конструирует» саму причинность. И. Кант радикализировал эту идею субъекта, поместив его в контекст темы свободы: субъект непредумышленно, но все-таки *сам* конструирует свой предмет.

С таким пониманием субъекта и его активистской жизненной стратегии мог резонировать только тот образ реальности, который гарантировал ее «послушание» – если «рычаги» воздействия будут открыты. Онтологические аллюзии машинности важны для этой философии ровно настолько, насколько машина воплощает интенции контроля, функциональности и безотказности. Механическая машина (а конкретно – часовой механизм) выступает условиями понятности всей реальности и даже больше. «Видя ход часов, первые зрители были очарованы их гармонией и упорядоченностью – качествами, обычно ассоциировавшимися с Создателем мира» [7]. Велось довольно много споров, единожды были «заведены» эти «часы» или многократно, т. е. насколько «мир-машина» является «автоматом», но этот модус древней метафоры выступил организующим началом «реальной философии» механицизма.

Машинизм XX века близок механицизму стратегией максимального раскрытия потенциала метафоры *machina mundi*. Однако его тактика

принципиально иная: за универсализацию понимания машины отвечает уже не концепция Бога-часовщика, а концептуальное различение машины как технического устройства и машины абстрактной. Одним из первых отметил, что «машина как таковая» *предшествует* технической машине, Л. Мамфорд. Именно на его мысль о мегамашине государства, а не на доводы философов-механицистов опираются многие современные философы. Как говорит, к примеру, Лаззарато, «технологическая машина – это лишь один из случаев машинизма. Существуют также технические, эстетические, экономические, социальные и т. д. машины» [11].

В философии механицизма онтологическая установка о «мире-машине» выполняет в первую очередь инструментальную функцию. Такое объяснение реальности фундировало желанный для мыслителей той эпохи характер политической, экономической, художественной и т. д. активности человека. Он связан с интенциями контроля и строгого детерминизма. Тогда как развитие философии в XX веке связано с «обнулением» стратегий активности времен Модерна. Почему же и в том и в другом случае концепт «машины» оказывается востребованным?

В ответе на этот вопрос стоит обратиться к истории развития машинизма. Концептуальной опорой механицизма выступало естествознание. Машинизм в некотором смысле обязан своим существованием также естествознанию – но в модусе научной программы психологии.

Ключевую роль в развитии представления о «машинности» реальности играет тематизация бессознательного в концепции З. Фрейда. При этом следует подчеркнуть, что фрейдизм использует «машину» как инструмент анализа психики – и в этом контексте еще можно говорить о какой-то преемственности машинизма по отношению к механицизму. Молодой Фрейд работал в физиологической лаборатории Э. Брюке, который, в свою очередь, опирался на механицистические концепции Г. Гельмгольца, Й. Мюллера и др. Но при этом машиной-образцом выступают уже не механические часы, а тепловая машина, поскольку в тот период развития физики ключевую роль играли термодинамические исследования. Поэтому говорить о генетической связи между механицизмом и машинизмом не приходится – то, что видит в машине философия, не безразлично по отношению к ее выводам.

Для Фрейда «машинность» психики связана с механизмами навязчивого повторения – будь это проявления невроза или повторения жизненных сценариев. Он говорит о «вечном возвращении одного и того же. <...> Жизненный процесс индивидуума из внутренних причин ведет к уравновешиванию химических напряжений, т. е. к смерти, в то время как слияние с индивидуально-отличной живой субстанцией увеличивает эти напряжения, вводит, так сказать, новые жизненные разности, которые еще долж-

ны после изживаться» [26, с. 743, 759]. Фрейд замечает, что тем самым «мы нечаянно попали в гавань философии Шопенгауэра, для которого смерть есть “собственный результат” и, следовательно, цель жизни, а сексуальное влечение воплощает волю к жизни» [26, с. 754]. Однако подчеркивает, что ключевым является не сам акт рождения-напряжения и его снятия в смерти, но ритмика отклонения от равновесия и возвращения к нему. Психическая энергия, по Фрейду, имеет фазы создания и снятия напряжения. Он дает им мифопоэтические имена Эроса и Танатоса, но с равным успехом это могло быть описанием циклов двигателя: «одна из самых главных и ранних функций психического аппарата состоит в том, чтобы “связывать” доходящие до него внутренние возбуждения, замещать царящий в них первичный процесс вторичным, превращать свободную энергию активности в покоящуюся, тоническую» [26, с. 766]. Тепловая машина и практически, и теоретически связана с категорией работы. Фрейд анализирует «аппарат психики» в этом же ракурсе: будучи высвобожденной, психическая энергия может быть направлена на удовлетворение какой-то потребности. И, поскольку энергия всегда должна найти выход и совершить работу, возникает тема «механизма», превращения вытесненного бессознательного в неврозы, автоматизмы и т. п.

Таким образом, анализ психической реальности совершается Фрейдом посредством языка естественных наук и инженерии: речь идет о динамических закономерностях трансформации энергии. Но если в метафоре часов были особенно важны такие смыслы, как точность, ювелирная подгонка деталей и строгость выполнения функции, то образ тепловой машины инициирует иную картину: в первую очередь автоматичность циклов. Речь идет о машине-двигателе, и в этом моменте можно подчеркнуть близость мысли Фрейда и Маркса.

Маркс особенно настаивал на различении понятий «орудие» и «машина», выступал против позиции, согласно которой «простые механические средства, как рычаг, наклонную плоскость, винт, клин и т. д., называют машинами» [18, с. 377]. Машина для новой эпохи – это в первую очередь *двигатель*, который *стоит за видимыми процессами* рабочих машин.

У Фрейда этот «двигатель» интериоризован: это бессознательное, которое, будучи «невидимым», управляет сознанием. Получить доступ к содержанию бессознательного можно, только если перевести содержание этой несвязанной энергии, связав ее с помощью образов и слов, т. е. переведя этот материал в сознательное (предсознательное).

В ближайшем круге фрейдовского влияния существовала и другая интерпретация машины-двигателя, управляющей психикой. В. Тауск говорит о пизофренической машине – разновидности бредового расстройства. Он показывает клиническую картину того, как авторитарные фигуры, вы-

ражающие себя в виде слуховых или зрительных галлюцинаций, становятся машинами: «идея преследования и влияния оканчивается конструкцией аппарата влияния» [24, с. 12]. Эта машина, стоящая за «шпирмой» сознания больного, по мнению Тауска, есть «творение имманентной человеку потребности в каузальности» [24, с. 11]. Парадоксально, но и больные в примерах Тауска, и сам врач (Фрейд) в поиске объяснения детерминации каких-то процессов во внутреннем мире формируют образ машины. Это единообразный инструмент понятности опыта, различающийся, по сути дела, лишь степенью метафоричности. Шизофреник «видит» эту машину буквально, а Фрейд – концептуально.

Ж. Лакан сделал важный шаг на пути превращения все еще инструментально-аллегорической метафоры «машины» в метафору концептуальную, функция которой – уже не выстраивание аналогии, но указание на состояние дел. Опираясь на концепцию Фрейда, согласно которой человек не знает себя и свои желания так, чтобы они были действительно *собственными*, Лакан выстраивает свое понимание психики. Некое единство сознания связано с регистром Воображаемого, ключевым механизмом выступают бесконечные процессы отражения в Другом («Я – это другой»): «В феномене построения Я зачарованность эта играет самую существенную роль. Лишь под этими чарами нескоординированное и несвязное многообразие первоначальной разрозненности получает свое единство» [13, с. 74]. При этом Лакан отмечает, что раньше искомое единство «я» описывалось по аналогии с живым. Но, говорит он, между Гегелем и Фрейдом наступила эра машин, и сознание уже узнает себя как та или иная машина. «Почему – вправе спросить мы – не формулирует Кондильяк принцип удовольствия? Потому что, как сказал бы г-н де Ла Палис, у него нет его формулы, потому что паровая машина изобретена была позже» [13, с. 92]. «Телефон, фотопленка, фонограф и пишущая машинка (появившаяся на письменном столе Фрейда в начале 1913 г.) стали образами, из которых можно “сложить” аппарат психики» [9, с. 10].

Лакан творит в то время, когда появляются машины-предшественники компьютера. И для него ключевым образом выступает кибернетическая машина. У Лакана с образом этой машины связан регистр Символического – это язык и, соответственно, бессознательное: «Бессознательное фундаментальным образом структурировано, сплетено, опутано, соткано языком» [12, с. 37]. Для него язык как таковой (Символическое) означает «фильтрацию» недостижимой реальности посредством улавливания повторяющегося. При этом, рассуждая о Символическом, он не иллюстрирует его суть образом машины, но утверждает, что Символическое и есть машина. «Машина – это структура, которая от деятельности субъекта как бы оторвана. Символический мир – это мир машины. <...> Машина реа-

лизует непрерывность, благодаря которой люди, какое-то время отсутствовавшие, получают в свое распоряжение регистрацию того, что произошло в интервале между феноменами сознания в собственном смысле» [13, с. 71].

Почему кибернетическая машина – это язык? Лакан создает свою концепцию в то время, когда получают популярность исследования Н. Винера. Исток же вдохновения создателя кибернетики – изучение броуновского движения и других систем с высоким уровнем шума и решение задачи управления такими системами. Винер выстраивает принципы машины, работающей со стохастическими системами, на основе вероятностного подхода: машина, снабженная памятью, умеет фиксировать повторяющиеся сигналы. Лакан также видит принципиальное тождество Символического и машинного именно в способности машины сводить случайность к вероятности. Символическое – это система, подобная двери (один из важных образов Лакана): она работает на открытие и закрытие. Причем открывается она, «выхватывая» из темноты Реального сигналы, которые воспроизводятся снова и снова – и именно потому они сохраняются. Это и есть язык в самом общем понимании: повторяемые сочетания.

Стоит отметить, что лакановское сближение «кибернетической машины» и языка отнюдь не опиралось на анализ какой-то технической машины, здесь реализуется представление об «абстрактной машине», лишь окрашенной в тона подобия конкретной машине. Как говорит сам Лакан в одной из своих лекций: «Сразу хочу сказать, что не собираюсь говорить здесь ни о различных, более или менее сенсационных достижениях кибернетики, ни о кибернетических машинах, больших и маленьких. Я не буду ни называть эти машины по именам, ни рассказывать о чудесах, на которые они способны. К чему нам сейчас все это?» [13, с. 415]. Поэтому усиление машинных аллюзий в его философии зиждется на некоем принципиальном *невнимании* и к кибернетической машине, и к кибернетической теории. Действительно, информационная теория работает в противоположном, нежели у Лакана, направлении: повторяемые сочетания как раз исключаются в силу избыточности, неинформативности. Но важнее другое: Лакан не делает различия между языком новой машины и языком естественным. Да, действительно, кибернетическая машина (как персональный компьютер) на программном уровне выстроена языком. Но естественный язык принципиально некомпозиционный и неоднозначный; смысл зависит от контекста гораздо больше, чем от синтаксической и семантической характеристик языковых единиц. Эти характеристики языка изживаются искусством программирования, когда естественный язык превращается в дискретный формализованный язык, способный давать максимально точные команды для машинных механизмов аппаратной части. Но, повторюсь, эти моменты Лакана не интересовали. Для него машина – это кон-

цепт, с помощью которого он может сказать: Реальное от человека скрыто за «ширмой» Символического, т. е. машины. «Машина... Что это слово, смысл, означает? А означает оно, что человеческое существо не является над этим первоначальным, исконным языком полновластным господином. Оно заброшено в него, вовлечено, затянуто в его зубчатый механизм» [13, с. 433]. То есть Лакан не говорит о том, что Реальное – это машина. Но, поскольку, по сути, весь горизонт человеческого бытования оказывается машиной, оформление идеи онтологического тождества машины и реальности оказывалось почти неизбежным. Что и было реализовано последователями-опровергателями Лакана Ж. Делезом и Ф. Гваттари.

Еще раз подчеркну важность несинонимичности понятий «механизм» и «машинизм». Различен сам контекст внимания к машине, различаются и машины-образцы. Там, где механизм видит воплощение рациональности, машинизм видит в первую очередь иррациональное: желание как бессубъектную стихийную силу. Даже само слово «машинизм» возникает в контексте разговора о стихии желания.

Одним из первых в 20-е годы XX века термин «машинизм» использовал Ле Корбюзье в манифесте «Архитектура в эпоху машинизма». Он связывает машину с категориями эффективности, экономности и точности, но при этом он говорит о желании, которое должно приобрести и приобретает черты машины: когда будет достигнута гармония между образом эффективного, рационального делания и образом желания, «я» приобретет способность испускать излучение [15].

Вообще связь образа машины и темы желания в тот период, что называется, витает в воздухе. Трудно сказать, идет ли речь о каком-то заимствовании, но 1972 год – год создания и «Анти-Эдипа», и «Пикника на обочине» братьев Стругацких, сценарий которых к фильму «Сталкер» по мотивам этой повести назывался «Машина желаний». Машиной желания у Стругацких является Зона, исполняющая желания пришедших в Зону людей. Но драма заключается в том, что истинные желания скрыты.

Делез и Гваттари усиливают и объемность категории желания, и абстрактность категории машины. Концентрация желания – это «зоны» осуществления машин: «...машины желания – это действительно то же самое, что технические и социальные машины, но они являются, так сказать, их бессознательным: они проявляют и мобилизуют инвестиции желания, которые “соответствуют” сознательным или предсознательным инвестициям в интересы, политику и технологию определенной социальной сферы» [29, p. 111].

В работе «Машина и структура» [4, с. 70–78] Гваттари говорит, что реальность есть «броуновское движение» – в этом моменте он идет за Лаканом, который в некотором смысле шел за Винером, т. е. Гваттари напря-

мую обращается к теме хаоса и машины. Если сделать «срез» какой-то области действительности, продолжает Гваттари, мы обнаружим там стихийно сложившиеся машины – от микрообразований до государств. Структуры – это эффект процессов перманентных сборок и пересборок континуума машинной природы. «Векторы желания» складывают на какое-то время в машины. Как отмечает Мазин, идея о «заводе по производству бессознательного» – то есть доструктурной, досубъектной реальности – выступает концептуальным основанием пнизоанализа [16]. Причем технические машины имеют только случайное сходство с этой машинной субстанцией. И в этом моменте обнаруживается, что и машинизм с механизмом имеют только случайное сходство. «Машины желания» выступают ключевыми категориями такой картины реальности, в которой онтологический приоритет имеет различие, хаос, многообразие и революция. Метафора часового механизма работала на принципиально иное мировосприятие. Для того чтобы концепт машины смог осуществить такую трансформацию, Делез и Гваттари предлагают различать мегамашины и машины молекулярные. Мегамашины соотносимы с системой, насилием, паранойей; малые (молекулярные) машины – с освобождением, революцией, пнизофрениями. Большие машины «запирают» желание, а пересборки молекулярных машин его освобождают. «Желание не “желает” революции, оно революционно само по себе, как будто ненароком – то есть просто желая того, чего оно желает» [6, с. 186]. Молекулярные машины – псевдостабильные связи, пульсации, не провоцирующие появление тотальности и при этом создающие «парциальные объекты» в пределах «либидозного потока». Молярные образования (машины) – это структуры: индивиды, социальные группы, государство, различные виды культуры и т. п. Молекулярное сопротивляется категориям структуры и уникальности. Таким образом, «дном» реальности выступает не линейно фиксированное сцепление базовых элементов-колес, но хаос «обломков», образующих временные сцепления в зонах напряжения стихии бессубъектного машинного бессознательного. Форма чаемой активности, фундированная новым пониманием машины – бунт ради бунта.

И как не бунтовать? Машинизм, раскрывающий весь свой онтологический потенциал, по сути дела, укоренен в онтологической матрице древнего мифа о «больной реальности». Его изводы многообразны (достаточно упомянуть, к примеру, мировосприятие гностицизма), и в нашу задачу сейчас не входит их рассматривать. Подчеркнем лишь то, что в машинизме идея о «машинности» реальности раскрывает во всей полноте ресурс пейоративной части семантического спектра $\mu\eta\chi\alpha\nu\acute{\eta}$. Семантика «козней» угадывается и в коллизиях молярных и молекулярных машин, и в понимании человека как совокупности автоматизмов с иллюзией собственной субъек-

ектности. Спасение возможно лишь как развоплощение и/или слияние с потоком безличного желания. «Производство, произведенное, тождество производства и произведенного... Именно это тождество образует третий термин в линейной серии – огромный недифференцированный объект. В какой-то момент все останавливается, все замирает (затем все запустится снова). В каком-то смысле было бы лучше, если бы ничего не работало, ничто не функционировало. Не быть рожденным, выйти из колеса рождений, без рта для сосания, без ануса для испражнения. Окажутся ли машины настолько разболтанными, а их детали настолько разъединенными, чтобы вернуть нас в ничто?» [6, с. 21].

Психоанализ, возможно, и противостоит «эдишальному театру» психоанализа, но онтологическая картина выглядит как последовательное разворачивание одной и той же позиции мировосприятия. Представления о «реальности-машинерии» вторят представлениям о «махинациях» подсознательного в психоанализе. Одна из интерпретаций трагедии – пьесы Ж. Кокто «Адская машина». Введение к пьесе завершается словами: «Смотри же, зритель, наблюдай, как заведен мгновенно, но распрямится медленно, через всю человеческую жизнь – адский механизм машины, самой совершенной, созданной подземными богами для математически точного уничтожения смертных» [10, с. 7].

Машинизм и футурология

Машинизм после психоанализа представляет собой последовательное развитие его интенций. Л. Брайант, один из современных философов зоны влияния делезиянства, настаивает, что «нам нужен не панпсихизм, органицизм или витализм, а скорее панмеханизм. <...> Панмеханизм – это не просто утверждение, что бытие целиком состоит из машин; все взаимодействия являются механическими взаимодействиями. Конечно, мы еще не знаем, что это значит. Очевидно, что существует целая зоология машин, которую необходимо интенсивно исследовать» [28]. Параллельно Брайант развивает «темную онтологию» и «во имя торжества конечности» предлагает ее аксиоматику. Первая же аксиома начинается со слов: «Нет смысла ни в существовании, ни в чем другом во вселенной» [27].

Миф о «больной реальности» в современном его модусе оказывается тесно связан с онтологическими позициями машинизма. Поэтому закономерно, что в футурологическом аспекте машинизм оказываются онтологической капитуляцией человека. Спектр футурологического машинизма представлен различными модусами трансгуманизма¹, согласно которому

¹ Определение трансгуманизма, предложенное Дж. Хьюзом: «Зарождающееся философское движение, которое утверждает, что люди могут и должны стать больше, чем люди, благодаря технологическим усовершенствованиям» [32].

будущее принадлежит машинам: человечество породило умные машины, и на этом его эволюционная миссия закончена. В качестве примера можно обратиться к нуминозному варианту машинизма, согласно которому «машинизм – это технофильская религия, основанная на вере в то, что механические процессы (такие как роботизированные механизмы и компьютерные программы) являются чистейшей формой существования. Приверженцы считают, что все разумные существа должны использовать машины для достижения максимальной «чистоты» своего бытия и ассимилирования себя и своей жизни с помощью машинного подхода. Таким образом, машинисты учат важности таких вещей, как экологическая эффективность и распределение ресурсов, а также использованию кибернетики и искусственного интеллекта. У машинизма около 2 миллиардов последователей» [33].

Этому определению близка по духу концепция киберготики Н. Ланда, который оперирует всеми ключевыми терминами и положениями психоанализа и возлагает надежды на такую революцию, которая окончательно разрушит безнадежно «больную» реальность. Он критикует кибернетику Винера за его пристрастие к отрицательной обратной связи – экономике «самосбережения» и эффективной функциональности. Самосбережение – всего лишь устаревший способ жить, свойственный органической форме существования. Ланд предлагает, наоборот, расшатать систему киберположительной обратной связью и выйти в пространство чистого «машинного бессознательного». Это позиция акселерационизма – «предчувствия» и «содействия» будущей «трансглобальной постбиологической машинизации» [14, с. 38].

Психофреники и философы, повествующие о машинном бессознательном, – это «засланцы» из трансгуманистического будущего. Их задача – расшатать ситуацию, приведя систему капитализма и, соответственно, всех социальных отношений к саморазрушению – когда «наш человеческий камуфляж снимается, кожа с легкостью отрывается, обнажая сверкающую электронику. Информация струится в нас из Киберии – базы истинной революции, сокрытой в будущем от земной иммунополитики. Ровно в полночь века мы выйдем из наших логов, чтобы разобрать все системы безопасности, составляя завтрашний день» [14, с. 34].

Заключение

В этом очерке истории, специфики и современного состояния машинизма мы постарались показать, что его важность заключена не столько в решении вопроса о взаимоотношениях машины и человека, сколько в качестве актуальной онтологии. Поэтому в первую очередь был проанализирован мировоззренческий контекст, в котором возникает философия

машинизма. Было показано, что машинизм работает с условиями понятности реальности как таковой, опираясь при этом на пейоративную часть семантического спектра слова «машина». Выступая концептуальным основанием интенций онтологического «бунта», машинизм радикально отличается от механицизма, обосновывающего активность человека как рационально организованную и эффективную деятельность. В итоге активного развития в лоне психоанализа концептуальная метафора «мир-машина» трансформируется в онтологическую концепцию, которая при ближайшем рассмотрении выступает модусом всегда активного в семиосфере мифа о «больной реальности» и, в качестве футурологической стратегии, обосновывает эволюционный приоритет «машинной жизни». Обозначен также ракурс решения проблемных моментов машинизма: пределы актуальности машинизма как онтологии связаны с формированием такой онтологии машины, в которой оптика абстрагирования не исключала бы, но предполагала оптику внимания к конкретным машинам — механическим, цифровым и т. д.

Литература

1. Батлер С. Дарвин среди машин // Неприкосновенный запас. — 2021. — № 2 (136). — С. 95–100.
2. Беляев Н.Ю. «Механицизм» в новоевропейской культуре: дис. ... канд. филол. наук: 09.00.13 / Санкт-Петербургский государственный университет. — СПб., 2006. — 235 с.
3. Бэнвилл Д. Кеплер. — М.: Текст, 2008. — 288 с. // Библиотека электронной литературы: сайт. — URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Б/benvill-dzhon/kepler/4> (дата обращения: 26.08.2025).
4. Гваттари Ф. Машина и структура // Новое литературное обозрение. — 2019. — № 158. — С. 70–78.
5. Глебкин В.В. Метафора механизма и теория концептуальной метафоры Лакоффа-Джонсона // Вопросы языкознания. — 2012. — № 3. — С. 51–68.
6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007. — 672 с.
7. Дмитриев И.С. «Они верны, точны, неумолимы»: метафора часов в европейской мысли Нового времени // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — Т. 7, № 1. — С. 243–278.
8. Заринов Я.В. Μηχανή: анализ семантики в диахронической перспективе // Материалы Всероссийской школы молодых византинистов NEANIA. — 2015. — URL: <https://www.hse.ru/data/2015/10/03/1077230538/Заринов%20Я.В.pdf> (дата обращения: 26.08.2025).
9. Киттлер Ф. Мир символического — мир машины // Логос. — 2010. — № 1 (74). — 2010. — С. 5–21.

10. *Кокто Ж.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. Театр. – М.: Аграф, 2002. – 293 с.
11. *Лаззарато М.* Машина. – 10.2006. – URL: <https://transversal.at/transversal/1106/lazzarato/ru> (дата обращения: 26.08.2025).
12. *Лакан Ж.* О бессмыслице и структуре Бога // Московский психотерапевтический журнал. – 2002. – № 1. – С. 36–48.
13. *Лакан Ж.* «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. – М.: Гнозис: Логос, 1999. – 520 с.
14. *Ланд Н.* Киберготика // Ланд Н. Сочинения. В 6 т. Т. 1. – Пермь: НулеPress, 2018. – 208 с.
15. *Ле Корбюзье.* Новый дух в архитектуре. – М.: Strelka Press, 2017. – 113 с.
16. *Мазин В.* Феликс Гваттари // Лаканалия: сайт. – URL: <http://www.lacan.ru/journals/11-2012-krugi/viktor-mazin-feliks-gvattari/#3> (дата обращения: 26.08.2025).
17. *Мамфорд Л.* Миф машины: Техника и развитие человечества. – М.: Логос, 2001. – 405 с.
18. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1952. – 794 с.
19. *Николин В.В.* Машинность как всеобщий принцип воспроизводства (онтологический аспект экспансии машины в немашинные сферы бытия): автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01. – Омск, 2002. – 32 с.
20. *Погоняйло А.Г.* Метафизика механицизма в новоевропейской философии XVII–XVIII вв.: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03 / Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб., 2001. – 28 с.
21. *Подорога В.* Номо ex machina. Авангард и его машины. Эстетика новой формы // Логос. – 2010. – № 1. – С. 22–50.
22. *Рыклин М.* Машины желания и просто машины. Интервью с Феликсом Гваттари // Рыклин М. Деконструкция и деструкция: Беседы с философами. – М., 2002. – URL: <https://schizopromenade.blogspot.com/2014/07/guattari.html> (дата обращения: 27.08.2025).
23. *Спиноза Б.* Трактат об усовершенствовании разума // Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. – М., 1957. – С. 352.
24. *Тауск В.* О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. – Ижевск: ERGO, 2011. – 60 с.
25. *Тоффлер Э.* Третья волна. – М.: АСТ, 1999. – 783 с.
26. *Фрейд З.* Я и Оно. – М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. – 1040 с.
27. *Bryant L.* Axioms for a Dark Ontology. – 2013, May 14. – URL: <https://larvalsubjects.wordpress.com/2013/05/14/axioms-for-a-dark-ontology/> (accessed: 27.08.2025).
28. *Bryant L.* Machine Oriented Ontology: Towards a Pan-Mechanism. – 2012, June 21. – URL: <https://larvalsubjects.wordpress.com/2012/06/21/machine-oriented-ontology-towards-a-pan-mechanism/> (accessed: 27.08.2025).

29. Deleuze G., Guattari F. Balance Sheet for Desiring Machines // Guattari F., Lotringer S. *Chaosophy: texts and interviews, 1972–1977*. – Los Angeles, CA: Semiotext(e), 2009. – P. 90–115.
30. Flusser V. *Gestures*. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2014. – 224 p.
31. Hooke R. *Micrographia*. – London: Printed by Jo. Martyn, and Ja. Allestry, Printers to the Royal Society, 1664. – URL: <http://www.gutenberg.org/files/15491/15491-h/15491-h.htm> (accessed: 27.08.2025).
32. Hughes J. The Politics of Transhumanism // Attack the System: website. – URL: <https://attackthesystem.com/2008/08/04/the-politics-of-transhumanism/> (accessed: 27.08.2025).
33. Machinism. – URL: <https://everon.fandom.com/wiki/Machinism> (accessed: 15.12. 2024).

References

1. Butler S. Darwin среди машин [Darwin among the machines]. *Neprikosnovennyi razpaz = Debates on politics and culture*, 2021, no. 2 (136), pp. 95–100. (In Russian).
2. Belyaev N.Yu. «Mekhanitsizm» v novoevropeiskoi kul'ture. Diss. kand. filos. nauk [“Mechanicism” in New European culture. PhD Diss. In Philosophy]. St. Petersburg, 2006. 235 p.
3. Banville J. *Kepler*. Moscow, Text Publ., 2008. 288 p. (In Russian). Available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/Б/benvill-dzhon/kepler/4> (accessed 26.08.2025).
4. Guattari F. Mashina i struktura [Machine and Structure]. *Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Review*, 2019, no. 158, pp. 70–78. (In Russian).
5. Glebkin V.V. Metafora mekhanizma i teoriya kontseptual'noi metafori Lakoffa-Dzhonsona [Metaphor of Mechanism and Lakoff and Johnson's Conceptual Metaphor Theory]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2012, no. 3, pp. 51–68. (In Russian).
6. Deleuze G., Guattari F. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. Yekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2007. 672 p. (In Russian).
7. Dmitriyev I.S. «Oni verny, tochny, neumolimy»: metafora chasov v evropeiskoi mysli Novogo vremeni [“They are Faithful, Precise, Relentless”. Clock Metaphor in Modern European Thought]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 2023, no. 7 (1), pp. 243–278.
8. Zaripov Ya.V. Μηχανή: analiz semantiki v diakhronicheskoi perspektive [Μηχανή: Analysis of Semantics in a Diachronic Perspective]. *Materialy Vserossiiskoi shkoly molodykh vizantinistov NEANLA* [Proceedings of NEANIAI – All-Russian School of Young Scientists on Byzantine Studies]. 2015. (In Russian). Available at: <https://www.hse.ru/data/2015/10/03/1077230538/Зарипов%20Я.В.pdf> (accessed 26.08.2025).
9. Kittler F. Mir simvolicheskogo – mir mashiny [The World of the Symbolic – A World of the Machine]. *Logos*, 2010, no. 1 (74), pp. 2–21. (In Russian).
10. Cocteau J. *Sobranie sochinenii*. V 3 t. T. 2. *Teatr* [Collected Works. In 3 vol. Vol. 2. Theater]. Moscow, Agraf Publ., 2002. 293 p. (In Russian).

11. Lazzarato M. *Machina* [The Machine]. (In Russian). Available at: <https://transversal.at/transversal/1106/lazzarato/ru> (accessed 26.08.2025).
12. Lacan J. O bessmyslitse i strukture Boga [On Nonsense and the Structure of God]. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*, 2002, no. 1, pp. 36–48. (In Russian).
13. Lacan J. «Ya» v teorii Freida i v tekhnike psikhoanaliza [The Ego in Freud's Theory and in the Technique of Psychoanalysis]. Moscow, Gnozis Publ., Logos Publ., 2009. 520 p. (In Russian).
14. Land N. Kibergotika [Cybergotics]. Land N. *Sochineniya*. V 6 t. T. 1 [Works. In 6 vol. Vol. 1]. Perm, HylePress, 2020, pp. 79–106. (In Russian).
15. Le Corbusier. *Novyi dukh v arkhitekture* [The New Spirit in Architecture]. Moscow, Strelka Press Publ., 2017. 113 p. (In Russian).
16. Mazin V. *Feliks Gvattari* [Felix Guattari]. Available at: <http://www.lacan.ru/journals/11-2012-krugi/viktor-mazin-feliks-gvattari/#3> (accessed 26.08.2025).
17. Mumford L. *Mif mashiny: Tekhnika i razvitiye chelovechestva* [The Myth of the Machine. Technics and Human Development]. Moscow, Logos Publ., 2001. 408 p. (In Russian).
18. Marx K. *Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii*. T. 1 [Capital: A Critique of Political Economy (Volume 1)]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1952. 794 p. (In Russian).
19. Nikolin V.V. *Mashinnost' kak vseobshchii printsip vosпроизводства (ontologicheskii aspekt ekspansii mashiny v nemashinnye sfery bytiya)*. Avtoref. diss. dokt. filos. nauk [Machinability as a Universal Principle of Reproduction: The Ontological Aspect of the Expansion of the Machine into Non-Machine Spheres of Being. Dr. in Philosophy diss.]. Omsk, 2002. 32 p.
20. Pogonyailo A.G. *Metafizika mekhanitsizma v novoevropeiskoi filosofii XVII–XVIII vv.* Avtoref. diss. dokt. filos. nauk [The Metaphysics of Mechanism in New European Philosophy of the XXII–XVIII centuries. Dr. in Philosophy diss.]. St. Petersburg, 2001. 28 p.
21. Podoroga V. Homo ex machina. Avangard i ego mashiny. Estetika novoi formy [Homo ex machina. Avant-garde and Its Machines. Aesthetics of a New Form]. *Logos*, 2010, no. 1, pp. 22–50. (In Russian).
22. Ryklin M. Mashiny zhelaniya i prosto mashiny [Machines of desire and just machines]. Ryklin M. *Dekonstruksiya i destruksiya: Besedy s filosofami* [Deconstruction and Destruction: Conversations with Philosophers]. Moscow, 2002. (In Russian). Available at: <https://schizopromenade.blogspot.com/2014/07/guattari.html> (accessed 27.08.2025).
23. Spinoza B. Traktat ob usovershenstvovanii razuma [Treatise on the Emendation of the Intellect]. Spinoza B. *Izbrannye proizvedeniya*. V 2 t. [Selected Works. In 2 vols]. Moscow, 1957, p. 352. (In Russian).
24. Tausk V. O vozniknovenii «apparata vliyaniya» pri shizofrenii [On the emergence of the “influence apparatus” in schizophrenia]. Izhevsk, ERGO Publ., 2011. 60 p.
25. Toffler A. *The third wave*. New York, Morrow, 1980 (Russ. ed.: Toffler E. *Tret'ya volna*. Translation from English]. Moscow, AST Publ., 1999. 783 p.).
26. Freud S. *Ya i Ono* [The Ego and the Id]. Moscow, Eksmo-Press, Kharkiv, Folio Publ., 1998. 1040 p. (In Russian).

27. Bryant L. *Axioms for a Dark Ontology*. 2013, May 14. Available at: <https://larvalsubjects.wordpress.com/2013/05/14/axioms-for-a-dark-ontology/> (accessed 27.08.2025).
28. Bryant L. *Machine Oriented Ontology: Towards a Pan-Mechanism*. 2012, June 21. Available at: <https://larvalsubjects.wordpress.com/2012/06/21/machine-oriented-ontology-towards-a-pan-mechanism/> (accessed 27.08.2025).
29. Deleuze G., Guattari F. Balance Sheet for Desiring Machines. Guattari F., Lotringer S. *Chaosophy: texts and interviews, 1972–1977*. Los Angeles, CA, Semiotext(e), 2009, pp. 90–115.
30. Flusser V. *Gestures*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 2014. 224 p.
31. Hooke R. *Micrographia*. London, Printed by Jo. Martyn, and Ja. Allestry, Printers to the Royal Society, 1664. Available at: <http://www.gutenberg.org/files/15491/15491-h/15491-h.htm> (accessed 27.08.2025).
32. Hughes J. *The Politics of Transhumanism*. Available at: <https://attackthesystem.com/2008/08/04/the-politics-of-transhumanism/> (accessed 27.08.2025).
33. *Machinism*. Available at: <https://everon.fandom.com/wiki/Machinism> (accessed 27.08.2025).

Статья поступила в редакцию 21.12.2024.

Статья прошла рецензирование 19.01.2025.

The article was received on 21.12.2024.

The article was reviewed on 19.01.2025.